НЕСВОЕВРЕМЕННЫЙ КАТЕНИН

Он говорил, что позволит назвать себя дурным человеком, но будет драться с каждым, кто назовет его плохим поэтом, вспоминал о П. Катенине один из его многочисленных недоброжелателей, Ф. Вигель, и тут же язвительно замечал, что, если бы он лучше прислушивался, ему бы пришлось драться с целым светом. Действительно, современникам Павла Катенина его стихи казались тяжеловесными, язык нарочито затрудненным. Произведения поэта придиричиво разбирал И. Гнедич, над ним издевался Л. Бестужев-Марлинский, о нем как о забытом при жизни стихотворце вспоминал Кс. Полевой. Приговор общественного мнения гласил: он опоздал родиться.

В то же время такие авторитетные ценители поэзии, как А. Пушкин, А. Грибоедов, В. Кюхельбекер, признавали наличие у Катенина большого поэтического дарования. Впрочем, хвала подлинных знатоков была негромкой, тогда как хула критиков гремела с журнальных страниц.

Ситуация усугублялась еще и тем, что Катенин не мог использовать стереотип творческого поведения, не мог еще опереться на теорию западноевропейского романтизма, ставшую исключительно популярной в России в 20—30-е годы, теорию, узаконившую разрыв поэта и толпы. Поведение Катенина интересно и с историко-литературной, и с чисто человеческой точки зрения как пример поведения талантливого художника в экстремальной ситуации.

Но что же делать поэту, чье творчество — откровение его души — признано несвоевременным? Катенин пытается найти, выход — он спорит с критиками, надеясь прояснить свою позицию, апеллирует к суду потомков, ставит себя в смешное положение и, наконец, осмеянный, бросает все, затворяется в глухой костромской деревне, добровольно продлевая изгнание, первоначальной причиной которого была царская опала.

Поэт уходит в себя, отступает в границы своего духовного мира. Этот путь ведет к молчанию, к немоте. Однако не писать Катенин не мог.

В изгнании он создает своеобразнейшие произведения — «Мир поэта», «Идиллию», «Элегию», справедливо отмеченные Пушкиным. В 1835 году, когда имя Катенина было забыто даже его оппонентами, он пишет поэму «Инвалид Горев» — свое лучшее произведение.

Катенин дебютировал в литературе в 1810 году. Однако как самобытный поэт он предстал перед читателями четыре года спустя, по возвращении из заграничного похода, завершившего Отечественную войну 1812 года. Первое стихотворение, опубликованное тогда Катениным, оканчивалось строфой:

Что ж? может, счастливей буду, чем прежде,
С матерью свидясь, обнявши друзей.
Полно же, сердце, вернися к надежде;
Чур, ретивое, себя не убей.

Эти строки и сейчас подкупают своей простотой, задушевностью интонации. Тем большее впечатление они должны были произвести на читателя десятых годов прошлого века, привыкшего к поэтическому языку, из которого были изгнаны прозаизмы, а также простонародные слова и обороты.

Ориентация П. Катенина на простонародную лексику и — шире — на традицию народной культуры не была случайной. Верность этим ориентирам поэт сохранил на всю жизнь. Не случайно и то, что тяга к народному языку, к народной культуре проявилась в стихах, написанных после возвращения с войны. Катенин формировался как личность, как поэт в русском войске, представлявшем собой поистине эпический коллектив. Дыхание эпоса ощутимо и в лучших поэтических произведениях эпохи, прежде всего в знаменитом стихотворении В. Жуковского «Певец во стане русских воинов». Жуковский ввел в свое стихотворение античные реалии, использовал стилизаторские приемы. Произведений, подобных «Певцу», Катенин никогда не писал.

Война для него не могла быть объектом стилизации, даже одной из творческих тем, она была чем-то гораздо большим — школой жизни или, если воспользоваться удачным выражением поэта, «опытом беды».

Завязатого театрала, полиглота, интеллектуала, щеголявшего широтой и оригинальностью суждений (а именно таким человеком и был Катенин), «опыт беды» учил единению с народом. Много позднее, описывая события Отечественной войны 1812—1814 годов, Лев Толстой гениально воссоздал атмосферу истового порыва, приобщающего людей к народному преданию, в сцене войсковой молитвы накануне Бородинской битвы. Можно представить, насколько сильным было влияние подобных сцен на молодого поэта, чьи представления о мире, чьи художественные ориентиры начали определяться.

Война сделала внезапную смерть фактором, определявшим самосознание человека. Она заставила с особой остротой ощутить неповторимость личности и в то же время непрочность ее существования. А это чувство, будучи глубоко пережитым, не могло не породить стремления поэта воплотить в стихах всего себя — не условные мечтания, страсти, конфликты, а подлинные чувства в их жизненной достоверности. Правда, мы не найдем у Катенина прямых высказываний на этот счет — мы не знаем ни одного письма, написанного им в годы войны или хотя бы сразу по возвращении из похода. Зато в его творчестве постоянно ощутимо стремление к конкретизации человеческого чувства, характера, судьбы.

Стремление слиться с народным целым и одновременно утвердить неповторимость своей личности — не было ли здесь непримиримого противоречия? Не сталкивался ли человек, руководствующийся этими стремлениями, с проблемами, разрешить которые было выше его сил? А между тем перед поэтом, желающим утвердить неповторимость своей личности, открывался уже опробованный путь — вся русская литература, да что русская, вся европейская литература этой эпохи утверждала неповторимость индивида, отстаивала его право заниматься исключительно

собой, рассматривать себя как центр мироздания. Тот же Жуковский писал, что мир — только сцена, на которой раскрывает свои тайны душа человека.

Индивидуалистическое мировоззрение сказалось и при обосновании реформы литературного языка, связанной с деятельностью Н. Карамзина. А. Бестужев-Марлинский в споре с А. Шишковым утверждал, что язык рождается от одного человека и в одно десятилетие.

«Опыт беды» подсказывал Катенину другое. Человек, изолировавшийся от мира (кстати, для народного сознания слово «мир» было отнюдь не абстракцией, оно обозначало общность людей с одной судьбой, одними заботами), не может донести до окружающих свою неповторимость, свою душу. Да он просто нужных, сердечных слов не подберет, этот изобретатель нового индивидуального языка. Не говоря уже о том, что по-настоящему волновать и интересовать читателей могут события, пережитые всем обществом, всем народом, пусть и рассказанные так, как их увидел поэт, как только он один их мог увидеть.

Вот ведь и Жуковский получил всенародное признание лишь тогда, когда написал «Певца во стане русских воинов». А разве умерший сразу после войны драматург В. Озеров имел бы такую известность, если бы представления его «Дмитрия Донского» не воспринимались публикой на фоне событий, грозивших России такой же бедой, как и 430 лет назад? Те, кто присутствовал на премьере «Донского», рассказывали, что под впечатлением сцены благодарственной молитвы после победы над татарами зрители вставали с мест, обнимались, аплодировали.

И Жуковский и Озеров принадлежали к школе последователей языковой реформы Карамзина. Но своей популярностью, если вдуматься, они обязаны прежде всего произведениям, созвучным тревогам и надеждам всего народа. А язык, которым они гордятся, который составляет особенность их поэзии — как раз язык карамзинистов,— оказался неспособным полностью выразить то, что поэты этого направления выразить стремились, то, что и Катенин хотел выразить — человека неповторимого, такого беззащитного перед лицом бесчисленных опасностей, но заключающего в себе мир, не менее обширный, чем тот, который его окружает.

На какое-то время поэзия разучилась передавать сильные человеческие чувства, разучилась торжествовать, проклинать, пророчествовать. Творчество поэтов-современников свелось к изысканным вариациям жестко ограниченного числа мотивов в рамках заданной системы. Наиболее подходящей сферой реализации эстетических принципов карамзинизма стала область подражательной поэзии. Показательно, что Жуковский — ведущий поэт направления — ограничил свое творчество почти исключительно подражаниями.

Катенин в десятые годы еще не мог знать, что лучшие поэты-карамзинисты, прежде всего сам Н. Карамзин, а потом и В. Жуковский, разочаруются в эстетических принципах созданной ими школы. Что они пройдут искус молчания и вернуться в литературу обновленными — Н. Карамзин «Историей государства Российского», В. Жуковский — не

устаревающим уже полтора века переводом «Одиссеи» — произведениями, в которых нет и следа бывшего индивидуализма, где дышит эпос, история народа.

Не знал Катенин и о том, что в русской литературе, казалось бы, безоговорочно покорившейся изящной музе карамзинизма, зреет бунт против рафинированного языка поэзии этого направления, условности ее тематики, героев, страстей. Лишь в 1824 году будет опубликована статья В. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», бросившая вызов господству карамзинистов и сразу ставшая знаменитой (ее автор, видевший в Катенине едва ли не учителя, послал жившему в изгнании поэту экземпляр альманаха «Мнемозина», в котором статья была напечатана). Дороге, на которую в середине 1810-х годов вступил П. Катенин, предстояло через несколько лет стать магистральной в русской словесности. Конечно, у Катенина были предшественники — Андрей Тургенев, А. Шишков, А. Шаховской — поэт с уважением относился к их именам, но творческой близости не ощущал. У Катенина были последователи, увлеченные его примером, — в первую очередь А. Грибоедов, признававшийся: «Тебе обязан зрелостью, объемом и даже оригинальностью моего дарования». И все же нужно было явиться гению масштаба Пушкина, чтобы объединить индивидуальные устремления отдельных литераторов в движение всей русской литературы к национальному своеобразию, к народным корням. Примечателен эпизод, о котором впоследствии охотно вспоминал сам Катенин: где-то в 1818 году молодой Пушкин (чье творчество развивалось тогда под знаком Жуковского и Батюшкова) пришел к Катенину на квартиру и, встретив его в дверях, протянул ему свою трость со словами: «Я пришел к вам, как Диоген к Антисфену: побей, но выучи». На это последовал ответ: «Ученого учить — портить».

А пока Катенин не находил союзников. Ему чуть ли не в одиночку предстояло решить сложнейшую проблему — примирения в творчестве двух, казавшихся противоположными начал — индивидуализма и народности, того духа народного единства, который открылся людям, воевавшим вместе со всей Россией против Наполеона.

И поэт нашел силу, примиряющую эти начала. Перечитайте стихи Катенина: «Софокл», «Мир поэта», «Ахилл и Омир», «Идиллия», «Элегия» — это панегирики памяти, воскрешающей прошлое, это элегии, в которых поэт оплакивал утрату воспоминаний. Ни для кого из поэтов, творивших в одно время с Катениным, духовная активность памяти не имела такого значения. «Одною памятью еще мы в свете живы», — писал он.

Процесс освоения исторического предания народа, имевший такое значение для Катенина, с особой интенсивностью проходит и, в наше время. Пафос поиска национальных корней одушевляет и наших современников. Тема исторической памяти стала едва ли не центральной в современной литературе — не случайно одно из значительных произведений прозы последних лет — роман-эссе В. Чивилихина — так и озаглавлен «Память».

Поэтому выявление последовательности, с какой историческое предание осваивается личностью, представляет для нас особый интерес.

Память приобщает личность к народному единству. Это единство, осознаваемое обычно в момент национальных триумфов и катастроф, проявляется прежде всего в отношении к судьбе страны — ее будущему, но в не меньшей, а, пожалуй, и большей степени ее прошлому. Именно в сфере культуры история открывается человеку как духовное наследие, от рождения ему принадлежащее. Культура народа аккумулирует прошлое; вместе с элементами народной культуры в духовный объем личности входят столетия народного бытия. Обычно этот процесс насыщения личности историей происходит бессознательно, но в момент активизации исторической памяти человека столетия выступают из темных закоулков подсознания, и человек предстает не в качестве пассивного объекта исторического влияния, но как деятельный наследник жизни, прожитой его народом.

Позиция наследника исторического предания творчески продуктивна. Только слово народной культуры, вобравшее устремления десятков поколений и потому необычайно емкое, способно выразить духовный объем личности во всей его полноте. Наследуя ему, личность обретает дар самовыражения.

Каждый человек, ведомый памятью, по-своему проходит этот путь. Катенин вступил на него офицером действующей армии. Историческая память, предание народа — эти понятия были для него не философскими абстракциями — вдохновляемые ими шли в бой и умирали люди, сражавшиеся рядом с поэтом.

В конце десятых годов Катенин создает торжественный гимн историко-культурной памяти — стихотворение «Софокл». Как и все почти произведения Катенина, это стихотворение сюжетно, однако за повествованием о перипетиях судьбы героя ясно просматриваются размышления автора о взаимоотношениях личности и народа, о роли памяти в таких отношениях, об истоках творческого дара.

Софокл изображен в стихотворении немощным стариком, которому, по его собственному признанию, «все чувства изменили». Только память старца столь же светла и активна, как прежде. Катенин подчеркивает упадок духовных и физических сил героя — тем убедительнее поэт продемонстрирует могущество памяти, возвращающей Софокла к жизни. В момент, когда решается судьба Софокла — сыновья объявили его безумным и ему предстоит убедить афинский ареопаг в своей правоспособности,— в этот момент духовная активность памяти возвращает старцу дар слова.

Катенин мастерски фиксирует последовательность, с которой личность обретает дар самовыражения. Софокл и не пытается рассказать ареопагу о своих личных невзгодах, он знает: язык не слушается его — «и слов в устах почти уж нет». Единственное, что хочет певец афинской славы,— это снова воспеть прошлое Афин. И вот, воскрешая историческое предание, герой одушевляется, его голос крепнет, нарастает патетика повествования. И

наконец, с языка срываются выношенные горькие слова, слова боли, гнева, проклятия, раскрывающие личную трагедию героя:

С Олимпа, да воздаст всевидец правосудный

Им мерой добрых дел, вам мерою вины.

О вы, сыны мои! нет, вы мне не сыны.

Стихотворение заканчивается описанием триумфа Софокла. Однако подлинное торжество героя не в увенчании венком, а в обретении дара самовыражения. Впрочем, торжество героя в данном случае — торжество его создателя. В речи Софокла Катенину удалось передать богатейший диапазон человеческих чувств. В поэзии десятых годов, усыпленной мелодичными стихами карамзинистов, вновь зазвучали слова гнева и торжества.

«Софокл» был декларацией поэта, осознавшего природу и истоки своего дарования. Это стихотворение можно назвать порождением и одновременно итогом процесса становления Катенина как поэта. Результатом было обретение той свободы самовыражения, творческой свободы, которую он блестяще продемонстрировал в «Софокле».

А параллельно шел процесс поиска художественных средств, формы, способной объективировать содержание духовного мира личности и той действительности, которую она осваивает. В этом плане интересны эксперименты Катенина с балладой — младшим эпическим жанром. Уже в «Ольге» чувствуется стремление к драматизации повествования. Блестящее владение различными лексическими пластами позволило Катенину стилистически дифференцировать речь героев. Он отказался от традиционной роли поэта-рассказчика и предоставил героям самим говорить о себе. В результате балладная форма приобрела ту емкость, которая помогла достоверно воссоздать мир, в котором любили, страдали и умирали персонажи.

Нововведения Катенина особенно удачно реализованы в балладе «Убийца», которую высоко ценил Пушкин. В «Убийце» повествовательная емкость стиха достигла предела, за которым — проза, повесть натуральной школы:

... То было летом,
Вот помню как теперь,
Незадолго перед рассветом;
Стояла настежь дверь.

Вошел я в избу, на полате
Спал старый крепким сном.

И так далее, с той же обстоятельностью, с мастерски написанными диалогами, с непривычным для поэзии той поры психологизмом в изображении героя. Вымышленное событие в изображении поэта обрело непреложность факта. Современники были убеждены, стихотворение воспроизводит реальное событие.

«Убийца» в той же мере, что и «Софокл», завершает период становления П. Катенина как самобытного поэта. К началу двадцатых годов в его творчестве ясно обозначились контуры художественного мира, в рамках которого личность могла раскрыть себя намного полнее, чем в рамках господствовавшей в те годы поэтики карамзинизма. Но прежде, чем поэту суждено было сказать свое неповторимое слово, ему предстояло пройти путь испытаний и искушений. Испытания изгнанием, искушения творческой свободой.

В 1822 году Катенин был выслан из Петербурга. Поэт поселился в принадлежавшем ему костромском поместье Шаево. Душе общества гвардейских офицеров, страстному литературному полемисту предстояло долгие годы провести в деревенской глуши, по существу, в одиночестве.

В том же году Катенин создает программное стихотворение «Мир поэта». Чудесный образ вводит читателя в атмосферу этого произведения — душа, уподобленная ласточке, устремляется навстречу воспоминаниям:

И на крылах воображенья,
Как ластица, скиталица полей,
Летит душа, собирая наслажденья
С обильных жатв давно минувших дней.

Поэт вновь обращается к созидательной активности памяти. Именно в «Мире поэта» появляется уже процитированная мною однажды чеканная формулировка — «одною памятью еще мы в свете живы». Но задачи, которые преследует автор, воскрешая прошлое, теперь иные, нежели в «Софокле». В «Софокле» переживание героического предания Афин было делом всенародным. Соответственно слова Софокла выступали как действенная сила, утверждающая в мире добро и справедливость. Теперь поэзия, рожденная памятью, призвана стать единственным прибежищем автора-изгнанника. Мир, созданный воображением поэта, притовопоставляется миру жестокой действительности.

Разумеется, не только поворот в личной судьбе повлиял на изменение творческой установки Катенина. Поэт чутко уловил и остро реагировал на изменения, происходившие в русском обществе. Народное единство, возродившееся в годы Отечественной войны, в послевоенное время распадается, расслаивается. Этот сложный нравственный, социальный, культурный процесс наглядно проявился в той среде, которая в 1812 году была средоточием национально-патриотической идеи — в русской армии, ставшей к концу десятилетия военным механизмом, приводимым в движение муштрой.

Перерождение армии тяжело отразилось на Катенине, поступившем на Военную службу в одушевлении патриотического чувства. В 1820 году во время смотра войск произошло столкновение Катенина с великим князем Михаилом Павловичем, приведшее в конечном счете к отставке Катенина.

В те же годы поэт, очевидно, разочаровывается в идее, оказывавшей сильное воздействие на умонастроения прогрессивного офицерства — идее активного преобразования общества. Во всяком случае, уже до высылки из

столицы связи Катенина с тайными декабристскими обществами, видным членом которых он был, прерываются.

На изменение мировосприятия Катенина повлиял и неудачный поэтический дебют: его баллады, написанные в десятые годы, были встречены единодушными насмешками карамзинистов.

Чтобы выжить, поэту необходимо было мобилизовать все силы души, все свое мастерство. Мир, созданный воображением, в годы изгнания подвергся своеобразной жестокой проверке — Катенину предстояло жить и этом мире, общаться с героями, созданными его фантазией, путешествовать по стране памяти.

И поэзия Катенина выдержала испытание — поэт выжил в созданном им мире. Образы стихотворений этого периода — «Старой были», «Элегии», «Идиллии», «Ахилла и Омира», «Романсов о Сиде» — поражают красочностью, картинностью, достоверностью. В этот период стиль письма Катенина становится напряженно-патетическим, язык насыщается архаизмами. Воскрешая мифы Греции, библейские предания, испанский героический эпос, громоздя стихотворение на стихотворение, поэт возводил башню, с высоты которой солнечные нагорья Кастилии и равнины Пелопоннеса ни ли видны отчетливей, чем бескрайние леса костромской губернии.

Перед взором поэта расстилалась держава памяти. Когда император Александр, проезжая неподалеку от имения Катенина, изъявил желание повидаться с опальным поэтом, тот уклонился от встречи. Этот отказ похож на разрыв отношений между державами. За Александром была огромная страна, но география памяти поэта обширнее просторов империи.

Однако не только мастерство поэта, но и его жизненная позиция подвергались испытанию в годы изгнания. Двадцатые годы стали для Катенина периодом искушения творческой свободой. Да, творить и разрушать миры, воскрешать предания народов было для Катенина жизненно важным. Но эта позиция не могла быть прочной. Творец миров, отказавший в аудиенции императору, в другой раз вынужден был умолять его отсрочить платежи в казну — в костромской губернии случился недород, и Катенину, взявшему крупный подряд, нечем было платить неустойку. Творческая свобода возносила поэта над повседневными заботами, над житейскими бедами, но рано или поздно они напоминали о себе.

Катенин нашел в себе силы преодолеть искушение творческой свободой. Он отрекся от романтической утопии и обратился к судьбе человека из народа, отставного солдата по прозвищу Горев. В 1830 году Катенин сообщает своему другу Н. Бахтину, что работает над поэмой об отставном солдате. Пять лет спустя поэма, получившая название «Инвалид Горев», была завершена.

На первый взгляд это обращение поэта, разрабатывавшего мифологическую тематику, воспевавшего героев древности, к образу простого русского солдата казалось неожиданным. Между тем неожиданным оно было лишь для стороннего наблюдателя. Обращаясь к судьбе человека из

народа, рассказывая о ней с помощью простонародной лексики, образов народной культуры, Катенин, по существу, возвращался к самому себе, к истокам своего творчества, к основам своего мировоззрения. Но возвращался во всеоружии мастерства, умудренным опытом борьбы с литературными противниками, борений с самим собой. И потому поэт, с самого начала ориентировавшийся на традиции народной культуры, теперь отважился сделать последний шаг к этой культуре, шаг, который до этого ни он сам, ни какой-либо другой поэт его времени сделать не решался.

В герое поэмы — старом солдате, не сломленном преследующими его неудачами, несомненно, воплотились черты самого автора, в рассказе о его судьбе поэт словно подводит итог размышлениям над собственной судьбой. И вот эта готовность автора отождествить себя с Горевым и была тем последним шагом, который приобщал поэта к народному единству. Отождествляя себя с героем поэмы, автор отождествлял себя со своим народом.

Главное в Горева — чувство неразрывной связи с народным целым. Это чувство укоренено в его душе, и потому, как бы далеко от родного дома он ни оказывался, какие бы испытания ни выпадали на его долю, герой не теряет присутствия духа. В самосознании Горева, авторском отношении к герою сказываются народные представления о судьбе человека. Поэма убеждает: не бывает жизни, прожитой зря, загубленной судьбы, ибо не бывает человека, окончательно отпавшего от народного единства. Сознание причастности к народному коллективу придает смысл жизни человека.

В поэме находит оправдание жизненная позиция самого Катенина. Но произведение стало и оправданием творческой позиции автора. Отождествляя себя с человеком из народа и через него — со всем народом, поэт получил право говорить от его имени. Катенин создал поистине эпическое произведение — не по форме, в XIX веке возрождение эпоса в классическом виде было невозможно, — но по духу, по организующему принципу, положенному в его основу.

В «Горева» сохранен основной принцип эпоса — объектом изображения стало народное единство — живое и действенное, в годы Отечественной войны выступившее как решающая сила. Каждое событие, каждый поступок в поэме оценивается с точки зрения народного сознания, вековой морали народа.

Уже в начальных строках поэмы привлекает своеобразный ход изложения событий — рассказ об эпохе наполеоновских войн начинается с сообщения о рекрутском наборе. История дается в той последовательности, в какой она осваивалась народным сознанием. Непосредственно волновавшим народ событием был рекрутский набор, а уже в связи с ним узнавались и получали осмысление перипетии европейской истории:

Тысяча восемьсот четвертого года
Рекрут брали со всей Руси. Бонапарте,
Брезгуя консульством, молвил: «Я — император».

Сытая бунтами, Франция иго надела;
Слабым соседям не спорить: признали с поклоном,
Сильные ж с гневом отвергли, злое предвидя.
.....С той поры началась
На десять лет война: великие сечи,
Сходки насмерть безвестных друг другу народов,
Смена царств и владык, гульбы по столицам —
С юга на север, с востока на запад; от моря
Бурным приливом к Москве и отливом к Парижу.

Победы русского оружия получают нетрадиционное для первой трети XIX века объяснение — не воля героев-полководцев, запечатленных Доу в галерее 1812 года в Зимнем дворце, предопределила эти победы, но подвиг народа, поднявшегося на защиту страны:

Видели мы чудеса; с трудом им поверят
Внуки. Вначале никто их не чаял; но просто
Воинов новых взамен отставных и умерших
Двух с пятисот по всей Руси набирали.

Катенин мастерски создает образы солдат, крестьян — земляков Горева. Поэт демонстрирует прекрасное знание быта, психологии крестьян. Замечает он и трагическое расслоение деревенского мира — впервые в русской литературе в «Инвалиде Гореве» изображены сельские чиновники — выходцы из крестьян, утратившие связь с родной почвой, с народными представлениями о добре и зле. О своих героях поэт рассказывает увлеченно, пристрастно, то с восторгом, то с чувством, а то и с сарказмом, когда речь заходит о чиновниках. Катенин широко использует лексические богатства народного языка. «Инвалид Горев» - это праздник простонародного слова, выразительного, меткого, сочного.

Поэме Катенина суждено было стать не только итоговым созданием автора, но и одним из наиболее значительных произведений эпохи тридцатых годов XIX века. Сколько проблем получило в «Инвалиде Гореве» оригинальное разрешение — проблема выражения личного через народное и — шире — взаимосвязи личности и народа, даже проблема создания национальной эпопеи, стоявшая еще перед М. Ломоносовым.

Художественные идеи Катенина, воплотившиеся в поэме, оказались близкими устремлениям Пушкина и Гоголя. Язык и образы «Горева» подготавливают поэзию Н. Некрасова, мысли поэта о значении подвига народа в Отечественной войне схожи с мыслями Л. Толстого, высказанными в «Войне и мире».

Автор, признанный «несвоевременным», не только оригинально разрешил проблемы, стоявшие перед поэзией его эпохи, но и оказался-современником художников иных эпох. Катенин доказал, что позиция поэта, оттесненного на литературную периферию и в силу своего положения не

связанного нормами господствующей эстетики, может быть творчески плодотворной. Успех Катенина был результатом обращения к неисчерпаемому богатству народной культуры, наделяющей человека творческой свободой. Судьба Катенина интересна и дорога для нас как пример последовательного мужественного пути художника, который конъюнктурному успеху предпочел служение идеалам красоты и правды, открывшимся ему в годы испытаний, выпавших на долю народа.